

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (74)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Тишкин А.А., д.и.н., Алтайский ун-т;
Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чижишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Грушин С.П., д.и.н., Алтайский ун-т; Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Куфтерин В.В., д.б.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН;
Лычагина Е.Л., д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический ун-т;
Мыльникова Л.Н., д.и.н., ИАЭТ СО РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция); Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН; Шорин А.Ф., д.и.н., ИИиА УрО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (74)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Grushin S.P., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg, Russia)
Kufferin V.V., Doctor of Biology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Lychagina E.L., Doctor of History, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russia)
Mylnikova L.N., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
Shorin A.F., Doctor of History, Institute of History and Archaeology UB RAS (Yekaterinburg, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Конев А.Ю.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, aldimoks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>

ТАРХАНСКИЙ СПАС: ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ СИБИРСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Подробно рассмотрен неординарный исторический сюжет: почитание образа Спаса Нерукотворного, возникшее на ранних этапах освоения Западной Сибири в процессе обустройства и защиты пограничного острога. По мнению автора, сюжетная линия предания о явлении иконы была результатом осмысления опыта взаимодействия русских и татар, противостоявших в XVII в. кочевникам евразийских степей. Обращено внимание на роль религиозного мировоззрения и соответствующих практик в реакции русских сибиряков на внешние вызовы различного характера. На основе изучения вновь введенных в научный оборот архивных документов автор пришел к следующим выводам: 1) явленный образ, о котором сообщает устная традиция, вероятно, был утрачен еще до разорения Тарханского острога в 1690 г.; скорее всего, рассказ о его (по)явлении и передаче казакам был отражением в исторической памяти совместных действий татар и русских по преодолению последствий нападения и воссозданию острога с часовней на новом месте; 2) значение чтимого образа Спаса Нерукотворного актуализируется с ликвидацией русского форпоста во второй половине XVIII в., когда вопрос о праве на иконы стал предметом спора между потомками тарханских «годовальщиков» и крестьянским приходом ближайшей к острогу слободы; 3) почитание чудотворной иконы стало основой консолидации приходских общин Покровской слободы и Тюменской Воскресенской церкви, являлось внутренним ресурсом развития этих приходов, созидания и восстановления ими церковных зданий.

Ключевые слова: икона Спаса Нерукотворного, Сибирь, Тарханский острог, жизнестойкость, религиозность, сибирские татары, служилые люди.

Финансирование. Работа выполнена по Госзаданию № FWRZ-2026-0031 рег. карта 126022618031-4.

Цитирование: Конев А.Ю. Тарханский Спас: чудотворный образ сибирского пограничья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 208–220, <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-17>

Введение

Изучение русского продвижения за Урал в XVII–XVIII вв. не теряет своей актуальности. Большой интерес проявляется к истории сибирского пограничья, созданию и функционированию крепостей и оборонительных линий на юге Западной Сибири, их реконструкции [Пузанов, 2010; Конев, 2023; Линии роста..., 2024]. В рамках этой общей тенденции тюменские археологи на протяжении нескольких лет занимаются исследованием Тарханского острога, обнаруженного ими на правом берегу р. Тобол, чуть выше впадения р. Туры [Зах и др., 2021; Зах, Рафикова, 2022; Линии роста..., 2024, с. 342–345]. Коллеги-этнографы обратили внимание на значимый объект сакрального ландшафта рядом с татарской деревней Тарханы — Спасский остров. Он связан с почитанием чудотворной иконы Спаса Нерукотворного населением, издавна проживавшим в этом районе, где археологи и обнаружили остатки упомянутого русского форпоста [Лискевич, Черепанов, 2024].

Вокруг Тарханской иконы удивительным образом сходятся разные векторы исследовательского интереса на стыке истории, археологии, религиозоведения и социальной антропологии. Само «пограничье» здесь приобретает несколько измерений: военно-оборонительное, этноконфессиональное, цивилизационное, одновременно выступая пространством взаимодействия/диалога и зоной конфликта. Наряду с выяснением новых и уточнением уже известных фактов относительно возникновения Тарханского острога и его обороны интересен культурно-антропологический ракурс соответствующих процессов: как проявлялось в них религиозное мировоззрение и какую роль играли соответствующие практики русских сибиряков, связанные с реакцией на внешние вызовы различного характера. С учетом этого аспекта предпринята попытка подойти к исследованию с позиции концепции *жизнестойкости (resilience/hardiness)*.

Методология и источниковая база

Социальная жизнестойкость зарубежными и отечественными исследователями трактуется как элемент адаптационного потенциала, т.е. как способность приспосабливаться к внешним изменениям, успешно справляться с различными вызовами, в частности противостоять воздействию внешних угроз [Norris et al, 2008; Davidson, 2010; Ненашева, 2023, с. 264–265, 270]. С точки зрения психологии жизнестойкость — это один из важнейших личностных ресурсов, который позволяет

преодолевать трудные (кризисные) жизненные ситуации. Наряду с ним, духовным смыслообразующим человеческим ресурсом, позволяющим справляться с трудностями, экзистенциальная психология и философия рассматривают религиозность [Maddi et al., 2006; Волобуева, Сережко, 2015].

Одно из направлений в изучении религиозности исследует ее как социально-групповой феномен, имеющий особенности у отдельных традиций и конфессий. Так, для исповедующих православие характерны ориентация на внутренние ресурсы развития и осознанная идентификация себя с общиной. Можно согласиться с мнением Н.М. Волобуевой и Т.А. Сережко, что «и в жизнестойкость, и в религиозность органически включена система убеждений и ценностей, относимых к мировоззрению личности» [2015, с. 156]. Таким образом, религиозность может формировать собственную систему установок и определять характер жизнестойкости, придавая ей конфессиональную и этноконфессиональную специфику. Существенная особенность православной религиозности определяется иконопочитанием, которое является одним из догматов веры. Как известно, он был окончательно сформулирован на Седьмом Вселенском соборе в Никее (787 г.). Б.А. Успенский подчеркивает, что русская православная духовность, в отличие даже от греческой, «в существенной степени связана с иконопочитанием как общим принципом осмысления сакральной действительности» [2014, с. 61]. Икона в русской традиции воспринимается человеком как «окно в горный мир», «Евангелие в красках» и материализованное присутствие святого, его защита.

Основу источниковой базы исследования, наряду с летописными и картографическими произведениями С.У. Ремезова [Ремезовская летопись, 2006; Remezov, 1720], публикациями справочного и краеведческого характера XIX в. [Словарь географический..., 1808; Списки..., 1871; Абрамов, 1859; Павлов, 1878], составили ранее не вводившиеся в научный оборот документы из фондов СПбФ АРАН, РГАДА, ГБУТО ГАТО, ГБУТО ГА в г. Тобольске.

Образ Спаса Нерукотворного в иконографической, летописной и устной традиции

Как известно, Христос благоволил отправить плат с чудесным образом отобразившимся на нем божественным ликом к Эдесскому царю Авгарю для исцеления его от болезни. Авгарь богато украсил Нерукотворный образ и поставил его в каменной нише над воротами Эдессы, чтобы всякий входящий в город мог поклониться ему.

Рис. 1. Спас Нерукотворный. Середина XIX в. Неизвестный мастер. Музейный комплекс им. И.Я. Словцова. Тюмень. Изображение из Госкаталога № 44525628.

Fig. 1. The Icon of the Savior. Mid-19th century. Unknown artist. Museum complex named after I.Ya. Slovtsov. Tyumen.

В православной иконописи существует два основных вида изображений Святого Лика: «Спас на убрусе», или «Убрус», и «Спас на чрепии», или «Чрепие». На иконах типа «Спас на убрусе» изображение лика Иисуса Христа помещено на фоне плата, ткань которого собрана в складки, а верхние концы его завязаны узлами. По нижнему краю проходит кайма. Лик Спасителя — это лицо человека средних лет с тонкими, одухотворенными чертами, с бородой, разделенной надвое, с длинными выющимися на концах волосами, с прямым пробором. Вокруг головы — нимб, как правило золотой (рис. 1). Второй вид представляет изображение лица Иисуса Христа на глиняной доске или черепице, которой было закрыто отображение Его лика на убрусе.

Исследователи отмечают, что в основе ранних сибирских иконографических образов Спаса лежит древнерусская иконописная традиция. Красноярский искусствовед Е.И. Шакленина в качестве примера приводит хоругвь XVII в. из собрания Иркутского музея с изображением с одной стороны Спаса Нерукотворного, с другой — Крещения Господня. Лик Христа на ней отличается суровостью, брови сдвинуты, четкой описью отмечены складки над переносицей. Маленький рот с поджатыми губами придает ему сосредоточенность и некоторую сердитость. Лик размещен на плате с холщовым переплетением. По сторонам плат поддерживают два ангела [Шакленина, 2021, с. 334].

Первые изображения Нерукотворного образа в Сибири появились уже на начальном этапе ее освоения русскими. С большим почитанием к нему относились в казачьей среде. Традиционно его размещали на хоругвях и стягах, призывая и символизируя защиту Господа от врагов во время военных походов.

Спас Нерукотворный играет особую роль в историческом повествовании о Ермаке в «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. В тексте к 45 миниатюре сообщается о том, что, столкнувшись с большим отрядом татар под началом Маметкула в низовьях Тобола у Турбы в конце Долгого Яра (крутого высокого берега), казаки были водимы там без потерь явлением образа Спасителя на знамени, которое «самовластно с места и поиде преди вниз по левому берегу Тобола реки. Видевше Ермак и казацы, единодушно за ним погребша по берегу тому». Татары выпустили в казаков множество стрел, но они, «спасенни Богом, яко и власу их невреждену бывши, проплы. Егда же проплы, зная само на свое место ста» [Ремезовская летопись, 2006, л. 14] (рис. 2).

Рис. 2. Миниатюра 45 из «Истории Сибирской» С.У. Ремезова.

Fig. 2. Miniature 45 from the "History of Siberia" by S.U. Remezov.

Сюжет этого летописного рассказа, скорее всего, бытовал в XVII столетии у сибирских казаков и был заимствован тобольским сыном боярским. Отмечу при этом, что повествование о знамени с

образом Спасителя и упоминание о Тарханском «заставном Кучумовом городке» в иных сибирских летописях этого времени отсутствуют и встречаются только у С.У. Ремезова. Могла ли эта чудесная история стать одним из источников возникшего позднее предания о явлении иконы Спасителя татарам Тарханской волости? На этот вопрос пока нет определенного ответа. Вместе с тем примечателен текст сноски в заглавной статье первого номера Сибирского вестника: «В Тобольском арсенале хранятся и поныне некоторые вещи от похода Ермака», в их числе достойны внимания «две хоругви, весьма уже ветхие» [1818, с. 14]. Позднее А.И. Сулоцкий, в примечании к очерку М.С. Знаменского, писал, что в Тобольском Софийско-Успенском соборе прежде было немало Ермаковых икон, но многие из них «отправлены были для поднесения государям императорам по случаю восшествия их на престол... а другие розданы в благословение важным лицам» [Знаменский, 1901, с. 44]. В.В. Блажес, комментируя это, отметил: «Ермак оставил иконы, хоругви, знамена: предания об этих вещах, будто бы оставленных Ермаком, бытовали преимущественно в Зауралье» [2002, с. 72].

Итак, можно предположить, что предание о явленной иконе было частью фольклора сибирской служилой среды, а не летописным нарративом церковно-назидательного характера, как полагают Д.Я. Резун и С.Р. Васильевский [1984, с. 247]. При этом сюжетная линия предания (татары отдают икону основателям острога), как они верно заметили, явилась результатом осмысления опыта взаимодействия русских служилых людей и местных татар, оказавшихся в XVII в. по одну сторону в их противостоянии кочевникам степи.

Тарханский Спас в историко-краеведческой, справочной и этнографической литературе

История о явленной в Тарханской волости¹ иконе Спаса Нерукотворного впервые и в своей, если так можно выразиться, канонической версии была изложена в середине XIX в. Н.А. Абрамовым:

«По преданию известно, что эта икона явилась в татарском Тарханском селении на загородке поскутины. Татары, взяв ее оттуда, употребляли как простую доску и чистили на оборотной ее стороне рыбу. Но икона несколько раз терялась и являлась на прежнем своем месте. В 1631 году, когда пришли туда казаки, тогда татары отдали им эту икону в часовню» [1859, с. 31].

Затем у этой истории появлялись различные уточнения и несколько иное изложение событий, что нашло отражение в церковно-приходской летописи Воскресенского (Крестовоздвиженского) храма Тюмени: «со времен покорения Сибири в Тарханских юртах был острожек... русских казаков, у которых была часовня и в числе 14 икон находилась и икона Нерукотворенного образа Спасителя, с которой казаки бывали в военных походах» [ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.].

А.И. Сулоцкий, посвятивший специальную работу особо почитаемым иконам Тобольской епархии, заметил, что образ Тарханского Спаса называют явленным «в настоящее время», и сообщает, что эта икона была «устроена складнями», так как служилые люди с ней отправлялись в походы, а священнослужители села Созоновского и слободы Покровской в Петров пост ходили «с молебствиями» до самой Тюмени [2000, с. 183].

В «Списке населенных мест Тобольской губернии», составленном по сведениям конца 1860-х гг., при описании Покровской слободы Тюменского округа, в заметке о чудотворной Тарханской иконе, встречаем следующее изложение интересующего нас исторического сюжета:

«Казаки, придя в 1631 году в юрты Тарханские, лежащие в 12 верстах от слободы, основали острог и часовню, в которую вскоре поставили явленный образ Спасителя; в 1751 году за ветхостью часовни икона перенесена в Покровскую слободу, в 1763 году она была взята в город Тюмень, где и стояла то в Воскресенской церкви, то в тамошнем монастыре, наконец, в 1849 году, по усиленной просьбе жителей, возвращена опять в Покровскую слободу» [Списки..., 1871, с. 24].

В заметках путешествовавшего по рекам Западной Сибири А.А. Павлова юрты, куда казаки принесли икону, в 1631 г. превращаются в «татарский город Тарханы», рядом с которым «Ермак выдержал большое сражение с соединенными силами татарских князей» [1878, с. 26].

Н.А. Лискевич и М.С. Черепанов фиксируют современную версию этой истории, бытующую среди русских, татар и коми Ярковского района Тюменской области, живущих поблизости от мест расположения древнего «заставного городка» (Тархан-кала) и русского острога. Отмечу, что публикация названных исследователей связана с почитанием прежде всего *Тарханского*

¹ Вопрос о существовании тогда в Нижнем Притоболье татарской волости с таким названием нуждается в исследовании. В сохранившихся с 1626 г. сметных и пометных книгах ясачного сбора сведений о ней нет, в исторической и этнографической литературе она также не упоминается. Автор статьи опирается на дело о следствии в отношении татар Тарханской и Лайминской волостей Тобольского уезда, которые осенью 1627 г., будучи «на зверовье», побили и ограбили «колмацких людей» [РГАДА. Ф. 210, оп. 12, стб. 15, л. 1–3].

молельного места. Прочитую изложение только тех полевых записей, которые касаются обстоятельств появления иконы:

«Якобы на этом месте татарские рыбаки нашли икону Спасителя и использовали ее вместо доски для разделки рыбы. В результате икона треснула, краска местами откололась: «на иконе нос обрубленный стал». Наутро рыбаки увидели, что икона восстановилась — «как живая стала». Они несколько раз бросали ее в воду, но икона возвращалась на прежнее место. Об этом рассказали русским. Икону передали в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Покровском; на острове решено было заложить часовню» [Лискевич, Черепанов, 2024, с. 34–46].

Таким образом, эта интерпретация легендарных событий связывает со Спасским островом само явление иконы, которая потом пребывала, со слов информантов, в храме бывшей Покровской слободы, а не была отдана казакам в часовню построенного ими острога, как об этом писали в XIX — начале XX в.

Тарханский острог в XVII в.: мнения историков и свидетельства источников

Сразу оговорюсь, что в задачу настоящей публикации не входит подробный разбор до сих пор невыясненного вопроса о дате основания острога и первых десятилетиях его существования. Он требует дополнительного изучения. Лишь кратко поясню, почему я склонен больше доверять принятой в историографии XIX в. датировке его возникновения, а не той, что была предложена Д.Я. Резуном и Р.С. Васильевским [1984, с. 246] и без должной критики поддержана в работах современных исследователей [Пузанов, 2010, с. 302; Зах и др., 2021, с. 119; Линии роста..., 2024, с. 342]. Особое внимание будет уделено разорению острога Казачей Ордой в конце XVII в., после чего он был возобновлен уже в ином месте, а не там, где первоначально находился.

В «Словаре географическом» Афанасия Щекатова, изданном в начале XIX в., была помещена небольшая статья о Тарханском остроге, из которой узнаем, что местонахождение его, к тому времени ликвидированного, относилось уже к территории Ялutorовского уезда на правом берегу Тобола в трех верстах выше устья Туры, назван он был так по имени «татарского Тархана», а построен в 1631 г., «как для сбора с живущих вверх по Тоболу татар, так и для обороны тамошних мест от нападения калмыков». Далее в тексте статьи следует важное уточнение: «стоял сперва при речке Тап, впадающей близко острога в Тобол», поэтому иногда «в просторечии» назывался Таповским [1808, стб. 77–78]. Очевидно, что автор пользовался не только «Описанием Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, но картами империи XVIII в. и иными историческими документами, ссылок при этом на источники не приведено.

К 1631 г. относит возникновение Тарханского острога П.А. Словцов [1886, с. 11]. Этой же датировки, что следует из приведенной ранее цитаты о чудотворной иконе Спаса, придерживался и Н.А. Абрамов, работавший со старыми делами Тобольского и Тюменского архивов, часть из которых была позднее утрачена. На что опирались новосибирские историки, утверждая, что «Тарханский острог основан в 1628 г. на Тоболе», откуда ими взяты сведения о месте его основания, особенностях его укреплений, о разорительном нападении в 1689 г. и постройке нового острога в 1696 г., из их публикации не ясно. Ссылки на источники информации авторами не даны [Резун, Васильевский, 1984, с. 246–247]. Поэтому приведенная ими «фактография» требовала проверки по первоисточникам.

Между тем место первоначального расположения Тарханского острога указано в «Хорографической книге» С.У. Ремезова. На соответствующем листе с изображением части реки Тобол при впадении в него Туры, немного восточнее стоявшего на берегу Тобола нового острога, у левого берега реки Тап выше устья есть надпись: «Старой был острог» [Remezov, 1720, f. 15] (рис. 3). Замечу, что сведения, приводимые А. Щекатовым о Тарханском остроге (старом и новом), хорошо коррелируют с этой картографической информацией рубежа XVII–XVIII вв. Если сопоставить с современной топографией этот конкретный участок местности, то расстояние по прямой между прежним нахождением форпоста² и новым (*Спасский остров*) — примерно 1,5 км.

Согласно сообщению Сибирского летописного свода, «во 198-м [1690] году августа против второго числа в ночи пришли безвестно воинские люди Казачьи Орды и разорили Тарханской острог» [ПСРЛ, 1987, с. 230]. Набег этот был настолько стремительным и организованным, что малочисленный тогда гарнизон годовальщиков не смог оказать серьезного сопротивления. Вот

² Место старого острога на чертеже С.У. Ремезова можно соотнести с территорией у д. Юртобор (Карагай авыл) в Яркском районе Тюменской области.

что рассказал об этом в Тобольской приказной палате раненый, попавший в плен и затем чудом спасшийся приказчик разоренного острога тобольский казак Степан Ранчковский:

«...августа 4 числа пришли внезапно под Тарханской острог воинские люди с пять сот человек и острог обступали и задние ворота вырубили топорами и учили по нем, Степану и по служилым людям, теми вырубленными вороты и иными полым местами стрелять ис пищалей и луков. И служилых людей в то время было в остроге с ним, Степаном, восемь человек. ...И в то-де время у него, Степана, воинские люди пострелили левую руку, да дву человек тюменских служилых людей ранили, и служилые-де люди из острога розбежались, и те-де воинские люди в острог воротами вошли» [СПбФ АРАН. Ф. 21, оп. 4, д. 12, л. 287].

Рис. 3. Фрагмент листа 15 из «Хорографической книги» С.У. Ремезова с обозначением мест расположения старого (серая стрелка) и вновь построенного (светлая стрелка) Тарханского острога.

Fig. 3. Fragment of sheet 15 from the "Chorograficheskaya kniga" by S.U. Remezov with the designation of the locations of the old (gray arrow) and newly built (light arrow) Tarkhan fortress.

В своем доезде, поданном тюменскому воеводе Д.И. Полуэктову, отправленный в Тарханы «по первым вестям» с казаками и юртовскими татарами для «подлинного проведывания» тюменский сын боярский Василий Некрасов сообщил следующее:

«и по осмотру Тарханской-де острог, и башня, и часовня, и караульня, и порох, и свинец сожжено, а пищаль одна, медная, ростопилась, другая, железная, пищаль цела... Да те же-де воинские люди около того Тарханского острога воевали, в пяти местех юрты и татар побили, а иные взяты были в полон» [Там же, д. 9, л. 131].

Сопоставление летописного текста со свидетельствами участников трагических событий и очевидцев их последствий выявляет незначительные расхождения относительно дня нападения и процесса преследования нападавших. При этом в летописном своде информация дана весьма сжато, а документы приказного делопроизводства, напротив, содержат очень подробные, развернутые сообщения. Для нашего же исследования важно отметить, что в этих источниках ничего не сказано о судьбе икон из острожной часовни.

Судя по всему, находившиеся там святыне образа и другие вещи не были вынесены спасавшимися бегством служилыми людьми. В случае спасения почитаемой иконы Степан Ранчковский и Василий Некрасов не умолчали бы об этом факте. Однако и о гибели ее ни прежний приказчик, ни посланный для «проведывания» тюменский сын боярский не упоминают. Возможно, что икона (или ее список) могла быть утрачена ранее. Ведь приход «воинских людей» к этому укрепленному пункту был далеко не первым и не впервые, по словам «годовальщиков», его жгли неприятели. Нападение в августе 1690 г. произошло после Петрова поста (закончился тогда 11 июля) и до начала Успенского поста, поэтому предположение, что икона могла находиться у жителей соседней Покровской слободы для обхода крестным ходом прилегающих селений тоже не имеет достаточных оснований.

Новый острог, по просьбе тюменских стрельцов и казаков и по памяти, данной в июле 1691 г. приказчику Ивану Панютину тобольским воеводой боярином С.И. Салтыковым, решено было строить в более безопасном и удобном месте: «над Тоболом рекою на перевозе, на чистом яр-ку», от старого острожного места «в *восми ста сажнях*»³ (выделено мною. — А. К.) [Там же, д. 12, л. 294]. Эти данные подтверждают корректность упомянутых выше сведений «Хорографической книги». К строительству приступили в то же лето, а не спустя пять лет. Тобольские администраторы, обосновывая необходимость немедленного возведения крепости, ссылались на челобитье «Тарханского разных волостей ясашных татаровя... что им без острогу и служилых людей нынешним осенним временем от воинских людей жить опасно». Примечательно, что лес для острожного строения по этому челобитью было поручено заготовить и привезти самим тарханским татарам [Там же, д. 9, л. 133–133 об.].

Таким образом, приведенная информация свидетельствует о том, что на Спасском острове, рядом с татарскими юртами⁴, укрепленный русский форпост с часовней появился летом — осенью 1691 г. Замечу, что предание о Тарханском Спасе не указывает определенно, где возник первый острог, но однозначно связывает чудесное явление иконы с местом строительства нового.

Вовлеченность татарского населения в события, вызванные нападением степняков в 1690 г. (гибель и пленение нескольких десятков человек, участие в восстановлении острога) способствовала солидарности с тобольскими и тюменскими служилыми людьми и, возможно, уважительному отношению к религиозности русских и их иконопочитанию. Если предположить, что именно тогда местные жители и принесли оказавшуюся у них икону стрельцам и казакам, строившим новое укрепление с часовней, становится понятной четкая территориальная привязка явления Спаса — Тарханские юрты. При этом отсылка к 1631 г. обозначает точку отсчета присутствия русского гарнизона в этой части Нижнего Притоболья, являясь темпоральным преломлением локальной исторической памяти.

Прочитывая историю явления образа Спаса Нерукотворного с позиции русских, обнаруживаем явственное указание на знак свыше, где строить новый острог — там, где была найдена/явлена икона. Знак этот дается через живших рядом с устьем Тапа тарханских татар. Интересно, что и сами они после набега Казачей Орды стали искать другое место для своих жилищ. Иван Панютин сообщал в Тобольск: «а татары с своих старых мест юртами перевозятся и живут на Нижнем Карбане, от [бывшего] острогу отъезжают версты по три»⁵, селятца» [Там же, д. 12, л. 293]. Прослеживается в предании и мотив дара — возмещение утраты Спасителя образа, оберегающего русских казаков, которые защищают находившихся здесь ясашных людей.

В 1763 г. потомки строивших острог и те, кто «годовали» там, сообщали, что иконы для Тарханской часовни «написаны и окладами украшены их дедами и отцами и ими, тюменскими детьми боярскими и казаками и служилыми людьми, своим кочтом»⁶ [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 2400, л. 3]. Следует обратить внимание на скрытую отсылку в этом сообщении к событиям уже после 1690 г. Теперь нам известно, что тюменские казаки строили вместе с татарами острог уже на новом месте, на берегу Тобола. Изначально же Тарханский форпост, стоявший на Тапе, находился в ведении тобольских воевод, строили его, судя по всему, тобольские служилые люди, и они первое время несли там службу. Слова тюменских «служилых» относительно «написания и украшения» икон следует понимать так, что они за свой счет заказывали новые иконы и оклады у иконников, мастеров-серебряников, чеканщиков и ювелиров, работавших на заказ. В Тюмени были известны представители династии иконника Спиридона, выходца из Устюга Великого, создавшего в первой четверти XVII в. особо почитаемую и ныне икону Знамения Богородицы.

В дальнейшей судьбе Тарханского острога представляют интерес два момента: изъятие икон из острожной часовни и его ликвидация, обстоятельства которой были до сих пор неизвестны. Эти сюжеты будут рассмотрены в контексте истории перемещений Тарханского Спаса из Покровской слободы в Тюмень, по тюменским храмам и обратно в слободу во второй половине XVIII — XIX в.

³ 800 так называемых *казенных саженьей* это 1728 м, т.е. чуть более 1,7 км. В упомянутой выше публикации Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского ошибочно указано 8 саженьей. Причина этой ошибки кроется, судя по всему, в том, что они ориентировались на некорректно составленный заголовок к этому документу из фонда Г.Ф. Миллера в РГАДА, а не на сам документ, хранящийся в СПбФ АРАН.

⁴ С.У. Ремезов обозначает эти юрты как «Ижбердеевы» и «Сеиткуловы» [Remezov, 1720, f. 15] (рис. 4). Тарханские юрты, которые упоминаются в источниках и литературе XIX в., появились позднее на месте этих или ближе к острогу и получили это наименование, скорее всего, уже после его упразднения.

⁵ 3 версты — порядка 3,2 км.

⁶ Кошт (устар.) — расходы, издержки.

Путешествие чудотворной иконы в пространстве и времени

А.И. Сулоцкий, опираясь на публикацию в Тобольских губернских ведомостях Г.А. Варлакова и дела консисторского архива, подробно изложил обстоятельства того, как по «объявлению» проезжавшего в 1748 г. через Тарханы исетского священника Меркурия Соколова и распоряжению в январе 1751 г. митрополита Сильвестра 14 икон, книги, облачение и колокол из Тарханской часовни были перенесены в Покровскую церковь. Об этом же сообщает и уже упомянутая церковно-приходская летопись. Подозрение отца Меркурия, что часовня раскольническая, оказалось ошибочными. Выяснилось, что в ней периодически служат молебны два православных священника из Созоновской и Покровской слобод, когда в «летнюю пору приходят с прихожанами и уносят икону Спасителя для ее ношения по своим селениям и полям» [Сулоцкий, 2000, с. 184–185; ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.].

Далее приводится приложенный к указу из Тобольской духовной консистории от 29 сентября 1763 г. текст «*Реестра святым образам, отобранным из Тарханского острожка*», которые были в 1751 г. переданы в слободскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Первой в реестре указана чудотворная икона [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 2400, л. 16 об.–17].

- «1. Образ Спасителей створной, оклад и ризы серебряные под золотом, пелена красная ветхая.
2. Распятие Христово на кресте местное.
3. Крест благословенный в круге, обложен серебром под золотом.
4. Образ Воскресения Христова, по полям оклад серебряный под золотом, пелена парчевая шелковая.
5. Образ Знамения Пречистыя Богородицы, по полям оклад серебряный под золотом.
6. Образ Первоверховных апостолов Петра и Павла, по полям оклад серебряной под золотом и пять венцов з гривнами.
7. Образ Николая Чудотворца з житием, венец, гривна и риза серебряные под золотом, пелена зеленая.
8. Образ в то ж Николая Чудотворца имянование, венец и гривна серебряные, а вокруг его оклад медной.
9. Образ трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, три венца з гривнами вкруг, оклад серебряный под золотом, пелена камчатая.
10. Образ Сергия Радонежского Чудотворца, по полям оклад серебряный под золотом.
11. Образ Михаила Архангела местной.
12. Образ Флора и Лавра.
13. Образ Власия, пять венцов з гривнами серебряными под золотом, пелена камчатая ветхая.
14. Образ Иоанна Богослова, венец, гривна и оклад серебряные, штилистовой.
15. Колокол в тридцать пять фунтов».

Перенос икон и утвари вызвал бурную реакцию командира острога — Владимира Тонких, который в это время, в январе, был со своими казаками в Тюмени на смотре и не знал о том, что произошло. По его инициативе казаки и местная воеводская канцелярия, в ведении которой они находились, «завели дело» и просили разъяснить приказчика архиерейской Покровской слободы Изуграрова, почему он произвел изъятие без их согласия [ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.–34].

А.И. Сулоцкий, комментируя эти события, обратил внимание на два момента. Во-первых, иконы из часовни были помещены в Покровскую церковь не потому, что часовня была приписана к этому храму (как считал Н.А. Абрамов), а потому, что она была ближайшей к нему. Во-вторых, образ Спаса был перенесен в эту церковь на срок, где эта икона была «для некоего винословия⁷ поставлена», а не передана в собственность прихода. Митрополит, в надежде на обращение в будущем татар в православие, не исключал, что в Тарханах мог быть впоследствии построен храм и в него отдана святыня острожной часовни. Поэтому он отказал в 1753 г. прихожанам сгоревшего со всей утварью Тюменской Спасской церкви, просивших дать им чудотворный образ вместе со сборной книгой⁸, предписав: «пусть новый образ Спасителей напишут» [Сулоцкий, 2000, с. 185–187].

Н.А. Абрамов сам факт возникшего спора по поводу принадлежности иконы тому или иному приходу рассматривает как существенный довод в пользу того, что она явленная:

«...что эта святая икона есть явленная — доказывается также теми их приговорами, общим с издревле особенным благоговением к ней тюменцев и окрестных христианских селений,— самым спором об усваивании ее воскресенскими и покровскими прихожанами и наконец почитанием этой иконы Спасителя даже татарами селений Тарханского, Карбанского и Боровского» [1859, с. 32–33].

Спор, о котором писал Н.А. Абрамов и подробно рассмотрел А.И. Сулоцкий, тянулся между Покровской слободой и Воскресенским приходом не одно десятилетие. Каждая из сторон нахо-

⁷ То есть в связи с конкретной причиной, в силу определенных доводов.

⁸ Особая книга для записи сбора пожертвований на восстановление храма.

дила веские, как им казалось, доводы в свою пользу. Одним из таковых было утверждение, что просители и их предки имели отношение к «написанию» и «украшению» тарханских икон, другим — что иконы находятся в церкви оппонентов не на почетном месте, стоят «на полке». Как правило, просьбы о передаче чудотворного образа начинались в связи с необходимостью привлечения паломников и сбора средств на восстановление ветхого или пострадавшего от пожара храма, строительство нового. Борьба за право на иконы из Тарханского острога способствовала консолидации приходских общин, а попеременное нахождение святых образов в Покровской и Градо-Тюменской Воскресенской церквях становилось важным фактором восстановления храмов.

Не имея возможности подробнее остановиться на всех связанных с чудотворной иконой Спаса Нерукотворного (Тарханского) исторических событиях, ее перемещениях, я свел наиболее существенные из них в краткий перечень⁹, который приводится далее. Он не исчерпывающий и может дополняться и уточняться в дальнейшем.

1631 год — передача явленного в юртах Тарханской волости Образа Нерукотворного Спаса в часовню Тарханского острога.

1690 год — нападение на Тарханский острог Казачей Орды и уничтожение его и часовни в нем. Последующая постройка острога с часовней на новом месте у Тобола «на чистом яру» в 800 саженьях от прежнего.

1751 год — перенос по распоряжению митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра (Гловацкого) образа Спаса Нерукотворного с другими 13-тью иконами из часовни Тарханского острога в церковь Покровской слободы. Безуспешная попытка казаков Тарханского острога вернуть их в свою часовню.

1753 год — пожар в Спасской церкви в Тюмени и просьба его прихода дать им Тарханский образ Спасителя. Отказ митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра (Гловацкого) с указанием приходу написать «новый Спасителев образ».

1761 год — ликвидация Тарханского острога. Передача обнаруженной в его часовне иконы (заместительницы?) Спаса Нерукотворного сыном боярским Федором Текутьевым в Тюменский Благовещенский собор.

1763 год — приговоры на имя митрополита Тобольского и Сибирского Павла (Конюсевича) от прихожан строящейся Воскресенской и Спасской церквей передать им из слободской церкви Покрова Пресвяты Богородицы 14 икон с чудотворным образом Спаса Нерукотворного. Предпочтение было отдано небогатому приходу Воскресенской церкви, куда 12 октября иконы были торжественным образом перенесены из Покровской церкви.

1768 год — просьба прихожан церкви Покровской слободы через комиссара Ивана Касьяновского, передать им Спасителев образ для нужд при постройке новой церкви вместо старой.

1770 год — разрешение епископом Тобольским и Сибирским Варлаамом (Петровым) возвратить икону Тарханского Спаса Нерукотворного приходу Покровской церкви «до совершенного ее исправления». Встречная просьба прихода Воскресенского храма Тюмени оставить икону у них навсегда. Распоряжение Тобольской консистории в целях прекращения споров передать иконы на время в Свято-Троицкий монастырь, но фактически иконы остаются в Воскресенской церкви.

1774 год — пожар в начале января в деревянной Воскресенской церкви и передача всех тарханских икон в Свято-Троицкий монастырь. Закладка в июле 1775 г. каменной церкви взамен сгоревшей.

1791 год — завершение строительства каменного Воскресенского (с 1845 г. — Крестовоздвиженского) храма в Тюмени и возвращение туда 14 тарханских икон, внесение их в опись имущества церкви.

1849 год — после усиленной просьбы прихожан Покровской слободы, приняв во внимание, что икона когда-то находилась там и что юрты Тарханские отстоят от слободы всего в 12 верстах, епархиальное начальство распорядилось образ Тарханского Спаса перенести из Тюмени в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что и было сделано.

Детальное описание внешнего вида почитаемой створной иконы Спасителя из Тархан обнаружено в описи церковного имущества Воскресенского храма от 1 июля 1808 г. Отмечу, что в этой церкви тогда было уже несколько икон типа «убрус»: в алтаре на «горнем месте», выполненная на «троечетвертовой дске» и украшенная серебряной ризой; в трапезной — на аршинной доске; в паперти лик Спасителя на аршинной доске с предстоящими (приписными) святыми Прокопием и Антипою [ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 7–7 об., 8 об.]. Наконец, в приделе Николая Чудотворца в местном ряду иконостаса в первом ставе находился тот самый, Тарханский:

«Нерукотворенный Спасителев образ на троечетвертовой дске, венец, гривна и поля сребренныя с позолотою, при нем на створах с правой образ Богоматери, с левой сторон Иоанн Предтеча, венцы, ризы и поля сребренныя с позолотой, на венце у Спасителя три камни простые» [Там же, л. 9 об.].

⁹ Составлен по: [СПбФ АРАН. Ф. 21, оп. 4, д. 9, л. 131–134, д. 12, л. 287–294; ГБУТО ГАТО. Ф. И-47, оп. 1, д. 448, л. 6, 18–18 об. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.–34; ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 2400; Словарь географический..., 1808, ст. 77–78].

Возникает вопрос, существовала ли икона-заместительница¹⁰ почитаемого Спаса Нерукотворного? Знакомство с материалами, связанными с упразднением Тарханского форпоста, дает основание полагать, что возможно. В январе 1761 г. после обращения татар Тобольского подгородного дистрикта Тарханской и Кошутской волостей Чикчинских и Маныматских юрт о поправке обветшавшего острога было принято решение за ненадобностью его ликвидировать. Для осмотра строений и имущества в мае того же года из Тюмени был отправлен сын боярский Федор Текутьев. В составленной им описи помимо прочего значилось, что в деревянной ветхой острожной часовне «один Спасителев образ на четвертной цке, на красках, без окладу», образ этот «писан на полотне, ветхой». В сентябре Ф. Текутьев, согласно данному ему распоряжению икону «привести и поставить в городе Тюмени в соборной церкви», передал ее священнику Благовещенского собора, тюменскому заказчику Макарию Земляницину [ГБУТО ГАТО. Ф. И-47, оп. 1, д. 448, л. 3, 6, 18–18 об.]. Как видим, история Тарханского Спаса, в отличие от истории острога, здесь не заканчивается, а получает новый поворот.

Рис. 4. Спас Нерукотворный с приписными святыми. XVII в.(?). Неизвестный мастер. Музейный комплекс им. И.Я. Словцова. Тюмень. Изображение из Госкаталога № 51676725.

Fig. 4. The Icon of the Savior with Standing Saints. 17-th century (?). Unknown artist. Museum complex named after I.Ya. Slotsov. Tyumen.

Подводя итоги, отмечу, что сложившаяся в условиях противостояния внешним угрозам и катаклизмам кооперация усилий русских служилых людей и сибирских татар нашла отражение в исторической памяти как предание о явлении почитаемой русскими воинами иконе, ставшей

¹⁰ Копия чудотворной иконы, созданная для замены оригинала, когда тот путешествует, находится на реставрации или перенесен.

духовной опорой и символом жизнестойкости населения Западно-Сибирского пограничья. Значение чтимого образа Спаса Нерукотворного после упразднения острога актуализируется, вопрос о праве на иконы становится предметом спора между потомками тарханских «годовальщиков» и крестьянским приходом Покровской слободы. Соперничество приходских общин, заявлявших права на Тарханский Спас, было следствием особого отношения православных русских к иконам как материализованному присутствию святых и их защите, а также проявлением чувства сопричастности потомков сибирских старожилов к начальным этапам освоения региона. Почитание чудотворной иконы являлось важным ресурсом развития этих приходов, их консолидации в период строительства и восстановления церковных зданий. Существенным результатом исследования стало обнаружение и введение в научный оборот новых источников и фактов из истории Нижнего Притоболья, его обороны и интеграции в состав Русского государства.

Благодарности. Автор благодарит своих коллег к.и.н. В.Н. Адаева, к.и.н. Н.А. Лискевич и А.Х. Машапову за консультации и замечания, полученные им при написании статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блажес В.В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследование и тексты). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. 185 с.
- Волобуева Н.М., Сережко Т.А.* Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях // Научные ведомости. Сер. Гуманитар. науки. 2015. № 24 (221). Вып. 28. С. 151–158.
- Зах В.А., Рафикова Т.Н.* Тарханский острог и окрестные татары в конце XVII — начале XVIII веков: по документам из писцовых книг и картографии С.У. Ремезова // Науч. диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 426–444. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444>
- Зах В.А., Цембалюк С.И., Сидорова Е.В., Юдакова В.С.* Тарханский острог XVII–XVIII вв.: Направления поиска и начало исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 119–132. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-10>
- Знаменский М.С.* Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень: Изд. А.А. Крылова, 1901. 66 с.
- Конев А.Ю.* Историографические и методологические грани сибирского «фронтира» // Исторический вестник. 2023. Т. 44. С. 270–285. <https://doi.org/10.35549/HR.2023.2023.44.009>
- Линии роста: Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв.* Приуралье, Сибирь и Дальний Восток. М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 424 с.
- Лискевич, Н.А., Черепанов М.С.* «Спасский остров» в поле сакрального ландшафта и межконфессионального взаимодействия Нижнего Притоболья // Технологос. 2024. № 1. С. 34–46. <https://doi.org/10.15593/pem.kipf/2024.1.03>
- Ненашева М.В.* Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направления исследований // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 262–273. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.262>
- Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVII — XVIII в.). СПб.: Алетей, 2010. 432 с.
- Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. Кн. 1. 326 с.
- Сулоцкий А.И.* Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сочинения: В 3 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 85–261.
- Успенский Б.А.* Русская духовность и иконопочитание // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М.; СПб: Нестор-История, 2014. Вып. 3. С. 38–71.
- Шакленина Е.И.* Образ Спаса Нерукотворного в прииерейской иконописи XVIII — начала XX века // Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа: XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Красноярск: Вост. Сибирь, 2021. С. 332–343.
- Davidson D.J.* The applicability of the concept of resilience to social systems: Some sources of optimism and nagging doubts // Society and Natural Resources. 2010. No. 23. P. 1135–1149. <https://doi.org/10.1080/08941921003652940>
- Maddi S.R., Brow M., Khoshaba D.M., Vaitkus M.* The relationship of hardiness and religiosity in depression and anger // Consulting Psychology Journal. 2006. Vol. 58. P. 148–161. <https://doi.org/10.1037/1065-9293.58.3.148>
- Norris F.N., Stevens S.P., Pfefferbaum B., Wyche K.F., Pfefferbaum R.L.* Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities and strategy for disaster readiness // American Journal of Community Psychology. 2008. Vol. 41. Iss. 1–2. P. 127–150. <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6>

ИСТОЧНИКИ

- ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 448; Ф. И-103. Оп. 1. Д. 4.
- ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске». Ф. И156. Оп. 1. Д. 2400.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 15.
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 9, 12.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 382 с.

Ремезовская летопись. Коллекционное изд. Т. 1 / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев; РНБ (Санкт-Петербург). Тобольск: Общественный благотворительный фонд Возрождение Тобольска, 2006. 42 л.

Абрамов Н.А. Древний явленный образ Нерукотворенного Спасителя, называющийся Тарханским // Тоб. губ. ведомости. 1859. № 4. Часть неофиц. С. 31–33.

Павлов А.А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: Очерки и заметки. Тюмень: Изд. И.И. Игнатова, 1878. 164 с.

Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. 1818. Ч. 1. С. 1–38.

Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. Ч. 6. М.: Вольная тип. Федора Любиа, 1808. 798 стб.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып.] LX. Тобольская губерния: Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов / Обраб. ред. В. Зверинским. СПб., 1871. 196 с.

Remezov S.U. (1720). Chorograficheskaya kniga [Cartographical sketch-book of Siberia]. 1642-ca. [Electronic resource] f. 15, (seq. 30). Cambridge, Mass: Harvard University. <https://nrs.lib.harvard.edu/URN-3:FHCL.HOUGH:4435676:VIEW?n=30> (дата обращения: 29.04.2026)

Konev A.Yu.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, aldimoks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>

Tarkhansky Spas: a miraculous icon of the Siberian borderland

Summary. The article examines a notable historical narrative — the veneration of the icon of the Not-Made-by-Hands Savior — which emerged in the early period of Western Siberia's exploration, concurrent with the establishment and defence of the border fortification. It is argued that the plotline of the legend concerning the appearance of the icon encapsulates the interpretation of the interaction between Russians and Tatars, who faced the nomadic groups of the Eurasian steppes in the 17th century. Particular attention is given to the role of religious worldview and associated practices in shaping the responses of the Russian population of Siberia to various external challenges. Based on the analysis of newly introduced archival documents, the following conclusions are drawn: 1) The revealed icon, whose existence is attested in oral tradition, was likely lost even prior to the destruction of the Tarkhansky fort in 1690. The accounts of its (re)appearance and transmission to the Cossacks reflect the historical memory of collaborative efforts by Tatars and Russians to overcome the consequences of the attack and to reconstruct the fort with a chapel at a new location. 2) The significance of the venerated Icon of the Savior became more pronounced following the dissolution of the Russian outpost in the second half of the 18th century, when the right to have icons turned into a subject of dispute between the descendants of the Tarkhansky *godovalschiki* and the peasant parish of the nearest settlement to the fort. 3) The veneration of the miraculous icon served as a foundational element for the consolidation of the parish communities of the Pokrovskaya settlement and the Tyumen Church of the Resurrection. It functioned as an internal resource that supported the development of these parishes and facilitated their efforts in the construction and restoration of church buildings.

Keywords: the Holy Face of Jesus / Icon of the Savior, Siberia, Tarkhan fortress, resilience, religiosity, Siberian Tatars, Cossacks.

Funding. The work was done according to the state order FWRZ-2026-0031, registration card 126022618031-4.

REFERENCES

Blazhes, V.V. (2002). *Folklore of the Urals: Folk story about Ermak (research and texts)*. Yekaterinburg: Izd-vo UrGU. (Rus.).

Davidson, D.J. (2010). The applicability of the concept of resilience to social systems: Some sources of optimism and nagging doubts. *Society and Natural Resources*, (23), 1135–1149.

Konev, A.Yu. (2023). Historiographical and methodological facets of the Siberian “frontier”. *Istoricheskiy vestnik*, 44, 270–285. (Rus.).

Lisevich, N.A., Cherepanov, M.S. (2024). “Spassky Island” within the Sacred Landscape and Religious Interaction in the Lower Tobol River Region. *Technologos*, (1), 34–46. (Rus.).

Maddi, S.R., Brow, M., Khoshaba, D.M., Vaitkus, M. (2006). The relationship of hardiness and religiosity in depression and anger. *Consulting Psychology Journal*, (58), 148–161.

Mogilevskii, K.I., et al. (2024). *Growth lines: Monuments of historical and cultural heritage of the Russian borderlands of the 16th–18th centuries. The Urals, Siberia and the Far East*. Moscow: Kuchkovo pole: Muzeon. (Rus.).

Nenasheva, M.V. (2023). Resilience of Arctic Communities: Concept, Methodology and Research Directions. *Arktika i Sever*, (51), 262–273. (Rus.).

Norris, F.N., Stevens, S.P., Pfefferbaum, B., Wyche, K.F., Pfefferbaum, R.L. (2008). Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities and strategy for disaster readiness. *American Journal of Community Psychology*, 41(1–2), 127–150.

Puzanov, V.D. (2010). *Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 17th — 18th centuries)*. St. Petersburg: Aleteia. (Rus.).

Rezun, D.Ia., Vasil'evskii, R.S. (1989). *Chronicle of Siberian cities*. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Shaklenina, Ye.I. (2021). The image of Edessa in the icon painting of the Yenisey Siberia region in 18th — beginning of the 20th century. In: *Aleksandr Nevskiy: Zapad i Vostok, istoricheskaya pamyat' naroda: XXI Krasnoyarskiye krayevyye Rozhdestvenskiye obrazovatel'nyye chteniya*. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir', 332–343. (Rus.).

Slovtsov, P.A. (1886). *Historical review of Siberia. Book 1*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. (Rus.).

Sulotskiy, A.I. (2000). Description of the most revered icons located in the Tobolsk diocese. In: *Sochineniya: V 3 t. T. 1. Tyumen': Izdatel'stvo Yu. Mandriki*, 85–261. (Rus.).

Uspenskiy, B.A. (2014). Russian spirituality and icon veneration. In: *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii. Vyp. 3*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 38–71. (Rus.).

Volobueva, N.M., Serezhko T.A. (2015). Hardiness and religiousness as resources of modern man in difficult situations. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 221(24), 151–158. (Rus.).

Zakh, V.A., Rafikova, T.N. (2022). Tarkhan Ostrog and surrounding Tatars in late 17th — early 18th centuries: Based on excerpts from Scribe books and Cartography by S.U. Remezov. *Nauchnyi dialog*, 11(5), 426–444. (Rus.).

Zakh, V.A., Tsembalyuk, S.I., Sidorova, E.V., Yudakova, V.S. (2021). Tarkhansky Ostrog of the 17th–18th centuries: Directions of search and the beginning of research. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 119–132. (Rus.).

Znamensky, M.S. (1901). *Historical Environs of the Tobolsk*. Tyumen: Izd. A.A. Krylova. (Rus.).

© Конев А.Ю., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 06.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the author: Konev, Aleksey Yu., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.